

"ИСТИННЫЙ ХУДОЖНИК НАРОДЕН И НАЦИОНАЛЕН БЕЗ УСИЛИЙ..."

Дети, как известно, обладают очень цепкой, хваткой памятью. Ребенок едва ли способен к анализу, к обобщениям, но зато в состоянии зафиксировать на фотопленке своей памяти мельчайшие подробности, попавшие в поле его зрения, и сохранить их на долгие годы.

Рассказом об одной такой "фотографии", запечатленной моей детской памятью далекой весной 1952 года, мне хотелось бы начать свое слово о Махарбеке Сафаровиче Туганове. Конечно, сейчас, по истечении долгого времени, я домысливаю эту незримую, реально не существующую "фотографию", гляжу на нее как бы сквозь призму минувших дней.

Дом отца по улице Церетели, 17 довольно часто посещался известными в Осетии людьми: писателями, художниками, учеными. В тот день, о котором идет речь, нашим гостем был пожилой худощавый мужчина высокого роста, чуть сутуловатый. Отчетливо, точно это было вчера, помню комнату, в которую ввели гостя, кресло, в которое он сел, помню даже, что комнату заливали лучи солнечного света, падавшие из раскрытого окна.

Мужчина сидел в кресле в непринужденной естественной позе, слегка откинувшись на спинку. Голову, наполовину облысевшую, с прядью седых волос, он держал высоко, даже слегка горделиво. Свет из окна четко обозначил черты его лица: высокий лоб в продольных морщинах, две особенно глубокие морщины на щеках, крепко сжатые губы.

Запомнились глаза гостя: живые, пронзительные глаза мудрого человека, в которых затаилась какая-то невысказанная печаль, необъяснимая тоска. Обращала на себя внимание и манера разговаривать. Гость говорил неторопливо и едва слышно. Не помню, о чем шел разговор между отцом и гостем, да и вряд ли в то время я способен был понять его смысл.

После ухода гостя отец с непонятной для меня печалью в голосе проговорил, что этот гость был ни кто иной, как Махарбек Туганов, известный всей Осетии художник. До этого я уже не раз слышал о Туганове. Отца, а в особенности его брата Инала, скульптора, с Тугановым связывали дружеские отношения, и они очень высоко ценили его как художника и как человека.

Как я уже говорил, эта несуществующая "фотография", вернее, существующая лишь в моем сознании, относится к далекой весне 1952 года. А три месяца спустя, в июле того же 1952 года, Махарбека Сафаровича не стало.

Подобно своему великому предшественнику Коста Хетагурову, Туганов непродолжительное время — в 1901-1903 годах — учился в Петербургской Академии художеств и так же, как Коста, не окончил ее.

Пребывание в Петербурге, а главное — учеба в Академии в мастерской великого русского живописца И. Е. Репина, не могли не сказаться благотворно на формировании эстетических принципов молодого художника. Сам Туганов об этом писал: "В то время, в самом начале XX века, авторитет Репина, как величайшего художника, был настолько высок во всем художественном мире, и не только в России, но и за границей, что мы, студенты, только и стремились к тому, чтобы хоть чему-то обучиться у этого великолепного мастера".

После Петербурга М. Туганов для продолжения художественного образования едет в Мюнхен, где поступает в студию выдающегося словенского художника-педагога Антона Ашбе.

Еще в ранней юности М. Туганов проявлял интерес к народному прикладному искусству и фольклору.

"В 1894 году мне впервые удалось побывать в горной части Дигории, увидеть там красоты природы, а главное услышать много легенд, сказаний, песен, записать кое-что у народных сказителей", — писал Туганов. — Эти легенды сильно потрясли

мое воображение... Я верил, что нарты не народная фантазия, а реальные люди, которые жили и живут даже сейчас".

Пребывание в Петербурге и Мюнхене не снизило интерес художника к народному искусству, напротив, оно еще сильнее разожгло его: **"Когда в 1907 году я вернулся в родную Осетию, то старался как можно больше рисовать всевозможные боевые башни, старики, расспрашивал о древних обычаях, об одежде, оружии и т. д. В 1910 году я решил взяться за работу над нартами. В то время нам удалось создать свой кружок художников, куда вошли местные художники, учителя рисования и любители изобразительного искусства. Нам удалось даже организовать выставку. На эту выставку я принес, первым делом, портреты Сослана, Уырызмага и Хамыца. В этом же году вышла из печати моя первая книга на дигорском диалекте "Дигорские сказания". Книгу иллюстрировал я сам"**

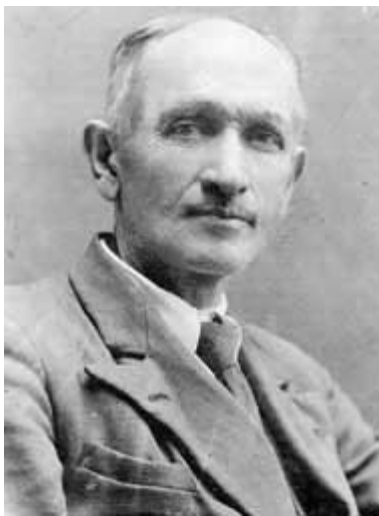
Эти первые свои произведения на нарские темы художник собирался издать в виде альбома, но тут началась Первая мировая война, и работы бесследно исчезли. В архиве СОНИИ сохранилось заявление М. Туганова в Осетинское историко-филологическое общество: "Прошу выписать на имя историко-филологического общества мои рисунки в красках, иллюстрировавшие почти полностью нарские сказания из г. Вены, куда я перед войной 1914 года отвез их с целью издать, но война не дала мне этого сделать (50 рисунков)".

На родине М. Туганов становится активным пропагандистом художественной культуры, способствует воспитанию национальных кадров. Благодаря его стараниям во Владикавказе организуется студия, ядро которой составляют местные художники.

В октябре 1917 года до Осетии донеслась весть о победе пролетарской революции в Петербурге. С установлением власти Советов в Осетии разворачивается настоящая культурная революция. В числе других мероприятий — организация во Владикавказе первой выставки картин местных художников, открытие здесь же художественной студии, в которой "помимо чистого искусства будут даваться практические навыки и прикладные знания, будут разрабатываться местный стиль, рисунок и мотив местного характера".

В этих начинаниях важная роль принадлежит Махарбеку Сафаровичу.

Творческая и общественная деятельность Туганова в первые годы советской власти носит самый активный характер. Во Владикавказе художник становится сотрудником ТерКавРосТА (Терско-Кавказского отделения Российского Телеграфного Агентства). Вместе с другими он рисует агитационные плакаты, листовки, режет на линолеуме клише для газет, оформляет митинги-концерты и спектакли, сотрудничает в местном журнале

"Творчество", выполняет иллюстрации для произведений художественной литературы и рисунки для учебников.

Один из первых букварей для осетинской детворы Туганов снабдил множеством интереснейших рисунков. Жизнь и быт осетинского народа предстают здесь в ярких, запоминающихся образах. Здесь запечатлены сцены сельского труда, костюмы осетин, их домашняя утварь, игры горских детей... Букварь для детворы перерастает свое прямое назначение, он и по сей день может служить своеобразным справочником традиций, быта, условий жизни осетин в начале XX века.

Переехав в Южную Осетию, Махарбек Туганов в 1930 году организует здесь художественную студию — ныне училище. Оно и поныне носит имя своего основателя. Газета "Пролетарий Осетии" о том времени писала: "Туганов создал там (то есть в г. Цхинвале) прекрасную студию, в которой под его руководством учатся 20 горцев-бедняков".

Сохранился архивный фотоснимок тех лет, запечатлевший Туганова с группой его студийцев.

Студия Туганова, впоследствии реорганизованная в Цхинвалское художественное училище, сыграла заметную роль в подготовке национальных кадров художников. Отсюда начинали свой путь многие осетинские мастера.

Талант Туганова особенно ярко раскрывается в серии иллюстраций к осетинскому народному эпосу "Нартские сказания". Первые работы на темы сказаний относятся к началу творческой деятельности художника, но вплотную к созданию серии Туганов приступает в 1927 году, когда был создан первый, акварельный вариант композиции "Пир нартов". С этого времени и до конца своих дней Туганов постоянно работал над полюбившейся ему темой.

"Нартские сказания" не раз привлекали к себе внимание осетинских деятелей культуры: поэтов, драматургов, прозаиков. Среди художников одним из первых к иллюстрированию сказаний обратился Махарбек Туганов. Выполненные с замечательным мастерством, глубоким знанием истории народа и его многовекового творения, работы Туганова не только точно следуют тому или иному месту сказаний: в них находят проявление богатая фантазия художника, которая сродни фантазии безымянных творцов эпоса. По силе художественной выразительности, по глубине философской мысли иллюстрации Туганова могут быть поставлены в один ряд с лучшими произведениями советской графики. В "Нартах" художник сумел найти свое творческое лицо, свой творческий путь. Они помогли ему выразить безграничную любовь к своему народу, к своей земле.

В серии этих иллюстраций Туганов сумел сохранить народный пафос, силу и мощь, свойственные эпосу. В произведениях художника перед зрителем предстает гордый, свободолюбивый народ, жизнь, полная отваги, мужества, необычайной красоты: "Уастырджи и Дзерасса", "Балсагово колесо", "Бой

олений", "Дзлау на оленях", "Клятва нартских женщин", "Игры нартов", "Ацамаз". Одна из отличительных черт иллюстраций — их художественная достоверность. Для каждого персонажа сказаний, будь то небесный узбек Курдалагон или красавица Дзерасса, булатно-рожденный Батрадз или кривой уаиг-великан Аفسарон, хитроумный Сырдон или могучий Уырызмаг, автор находит такие меткие образные характеристики, что героев уже трудно представить иными, чем они вышли из-под кисти художника. Столь же убедительно обрисовывается художником и среда, в которой живут и действуют нартские герои. И необычные игры нартов, когда они шутя перебрасываются обломками скал, и стремительный полет Батрадза на огромной стреле к крепости Хиз, и пребывание Сослана в загробном мире, — все в этих графических листах настолько реально, естественно, словно все это на самом деле имело место в жизни, будто художник все это мог видеть воочию.

Образы нартских богатырей, воссозданные Тугановым в "Пире нартов", неразрывно связываются с текстом сказаний. "Типы нартов я

старался показать такими, какими их представлял народ в своих сказаниях, — писал Туганов, приоткрывая завесу над своей творческой лабораторией. — Внешне их описывали вот как: Уырызмаг был с седой, как лунь, бородой, а фигура у него была, как у юноши. Нарт Сослан был широкоплеч, а талия у него была настолько узка, что когда он ложился, заяц свободно пробегал под его лопатками. Глаза нарта Батрадза сравнились с мельничными жерновами, а цвета они были стального. У отца его Хамыца были рыжие усы... Арахцау в сказаниях описывается так: "Стало надвигаться белое облако, над ним летали черные вороны, но не облако это было, то ехал на белом коне сын Деденага Арахцау, и не черные вороны летели над ним, то были комья земли, вылетающие из-под копыт его коня. Меч же его, волею судьбы, оставил в ней глубокий след...". Про Сослана в одном из сказаний говорится, что он "прятал под плащом меч и стрелы и притворялся простым пастухом"... Мне говорили, что в горной части Дигории, недалеко от Махческа, в Мацуте, находится могильник нарта Сослана. Там была обнаружена часть огромного скелета, и местные жители уверяли, что это кость нарта Сослана. Поэтом сказитель изображал Сослана огромным нартским мужчиной. Так долгие годы я обдумывал, каким мне рисовать нарта Сослана в своей картине".

Но Туганова интересовали не только портретные характеристики будущих персонажей. Самым скрупулезным образом он собирал и изучал редкие старинные предметы народного быта, памятники архитектуры; стремился, зарисовывая их, "... выявлять в рисунке, одежде, утвари осетинский стиль". **"В доме Хазби Магкоева в селе Чикола мне удалось увидеть меч с металлическим поясом, —**

записывает художник. — В доме Акоева в селе Христиановском — увидеть цепь, которой в древности связывали пленных, у Гайтова в Куртатинском ущелье — посеребренный металлический шлем, в том же селе — луки, стрелы, посеребренные седла и другие предметы. В Чиколе, в доме одного из Царикаевых, я срисовал медный сосуд такой редкой красоты, какую мне нигде больше не удалось увидеть, даже в Дагестане. Я не буду говорить о медных котлах, они всегда встречались и в Дигорском и в Алагирском ущельях. Кроме того, для "Пира нартов" я использовал мотивы древней народной архитектуры, в частности, дом Дико Дакоева из горного аула Махческ. Этому дому было свыше 200 лет. Также использовал аул Задалеск 1890 года. Украшения на колоннах были здесь в форме бараньих рогов. Все это было богатым материалом для художника".

Эти высказывания Махарбека Туганова дают возможность проследить, какую большую творческую и исследовательскую работу ему пришлось провести в процессе написания картины. Произведение должно было подытожить многолетний труд Туганова над "Нартами", но неожиданная смерть художника не позволила ему положить на полотно последние завершающие мазки.

"За свою 50-летнюю творческую деятельность, — говорил Махарбек Сафарович, — я все время старался довести до народа свою давнюю мечту, и если мне в какой-то мере удалось показать силу и мощь нартского эпоса, то этим я обязан советской власти и приношу ей свою искреннюю благодарность за то, что она дала мне возможность положить и мой камень в величественную башню осетинского нартского эпоса".

В конце 40-х годов Махарбек Туганов возвращается в Северную Осетию. Принимает участие в выставке картин "Нарты".

Туганов оставил богатейшее творческое наследие. Это не только многочисленные картины и графические листы, но и эскизы декораций, рисунки сцен народной жизни, костюмов, орнаментов, бесчисленное количество книжных иллюстраций, научные труды по этнографии, осетинской хореографии, искусству. Знакомство с этим наследием невольно поражает мыслью, что у художника не могло, не должно было хватить времени для осуществления всех своих замыслов, настолько они обширны и многочисленны. Но твердая самодисциплина мастера, постоянное горение помогли ему воплотить все его замыслы в действительность. Статьи "Кто такие нарты", "Осетинские народные танцы", "Осетинское изобразительное искусство", "Прикладное искусство Осетии", "Коста — народный художник", и наряду с этим — "Пир нартов", "Бой оленей", "Уастырджи и Дзерасса", "Ацамаз", "Чермен", "Расстрел тринадцати коммунаров", — все это написано одной рукой, одним человеком, но человеком незаурядным, всегда готовым откликнуться на требования жизни и времени.

В заключение хочется напомнить одну из последних статей Махарбека Туганова "Наши задачи". В ней он, в частности, писал:

"В Северо-Осетинском научно-исследовательском институте должно быть организовано отделение для освещения вопросов истории и теории осетинского искусства".

Сегодня можно констатировать: такое отделение при институте создано и успешно функционирует. И это — тоже одна из заслуг Мастера...

Анатолий ДЗАНТИЕВ,
искусствовед, писатель.